

Блок 6

Сегодня. - 1996. - Июль. - с. 10

Умер Дмитрий Покровский

Уникальный фольклорный ансамбль, госпремия 1988 года. И больше никаких регалий и постов. Он выпал из рядов тех, кто с перестройкой обзавелся чинами. Еще — бесконечные фольклорные экспедиции. Парадоксальные исследования — не для публикаций. Еще — то редкое качество, что называется банальным словом «незашоренность». Работа с трио «ГТЧ», Алексеем Козловым (музыка к фильму «Родня»), с Полом Уинтером (одну из совместных композиций собираются сделать официальным гимном ЮНЕСКО), Юрием Любимовым на Таганке («Борис Годунов»), Владимиром Мартыновым, Антоном Батаговым. В 70-е ансамбль был неотъемлемой частью интеллигентской субкультуры. На его редкие концерты ходили дышать. Висли на потолке: оппозиционные ассоциации были органичны и неизбежны. Но и в 90-е ощущение оппозиционности не исчезло.

В самом Покровском и его ансамбле главным было смертельно конкретное — как тонкая ссадина на руке (незаметная, но всегда ошутимая) — качество жизни, предельно сконцентрированное, в норме — невозможное. Так что суть была даже не в том фольклоре, который был альтернативой великодержавному подлогу, с одной стороны, и сухому научному академическому подходу — с другой. (В фольклоризме существовали две школы: точной экранизации и «вживания»). Покровский

относился ко второй. За что фольклористы называли его эстрадником. Он исходил из того, что абсолютная точность, как ни старайся, все равно невозможна. И что этот пронзительный, дикий фольклор должен бытовать в городской среде.) Суть в ином — по отношению к Покровскому можно было строить систему координат. Лучше чувствовать пространство и собственное местоположение. В нем было то, что вообще никак не вербализуется. То, что в музыке — неважно, удачной или не совсем, — либо есть, либо отсутствует. Рядом с Покровским это осознавалось особенно отчетливо. На последнем концерте Антона Батагова он сказал: «Неважно — что, главное — кто». Он был из тех, кто может все, но так, как только ему по силам. Открытость была формой гениальности, фольклор — формой реального, пронзительного, в норме невозможного существования.

Ему было 52 года. Последнее время в Москве он жил один. Он пришел к Антону прослушать их последнюю запись, но успел только войти. Умер быстро, почти мгновенно. «Скорая» приехала через полчаса, но это было даже неважно. Несмотря на то, что уже давно в сердце у него было что-то искусственное, какой-то клапан, его уход был шокирующим, невероятным. Теперь нет ничего, что с его уходом не стало бы темнее и сложнее. У него была своя система, как петь

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
ДМИТРИЙ ПОКРОВСКИЙ (ВТОРОЙ СЛЕВА) ДИРИЖИРУЕТ ИСПОЛНЕНИЕМ «СВАДЕБКИ» СТРАВИНСКОГО НА ФЕСТИВАЛЕ «АЛЬТЕРНАТИВА-95»

очень сложное, — легко. Как делать очень трудное — легко. Как добывать свет из черноты. Рядом с ним такому могли научиться даже почти случайные люди. Один Бог знает, чего эта легкость ему стоила. Занимался песнями и обрядами. В которых всегда умирание и только потом — жизнь. Еще в 70-е его приглашали с ансамблем в Кремль петь там всяким эти дикие, от которых волосы на голове шевелятся, обряды. Сколько же народу он провел через такие обрядовые смерти. Сколько раз сам умирал в обряде, добывая радость. Он обмолвился про свои клапаны совсем недавно: «Собственно, я живу за счет пения. Живу, пока пою». Система оказалась несовершенной. Последняя работа на публике — «Ночь в Галиции» Владимира Мартынова. Жизнь — ночь и сон. Пробуждение — смерть.

«Сегодня»